

mezkom, anglijskom yasikah [Dictionary of surgical instruments in Russian, German, English languages]. Vladikavkaz, Publishing House of the North Ossetian State University, 2001. – 84 p.

6. Yung V. Grammatika nemezkogo yasika [Grammar of German languages]. St. Petersburg, Fallow-Deer, 1996. – 544 p.

КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АУРА ЗНАКОВ КОСВЕННОЙ НОМИНАЦИИ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: n-alefirenko@rambler.ru.

Жилина Яна Сергеевна, студентка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: yasenka8@mail.ru.

Магомедова Алина Владимировна, студентка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: magomedova27@yandex.ru.

Рассматриваются прагматические и этнокультурные коннотации знаков косвенной номинации. Основная мысль: в художественной речи каждая номинативная единица языка реализует свои импликациональные связи, актуализируя в этноязыковом сознании дискурсивные, когнитивные, ситуационные и звуковые ассоциации. Авторская концепция ориентирована на исследование коннотации языковых знаков в связи (а) с субъектом речи, (б) с адресатом, (в) с характером их взаимного воздействия и (г) с ситуацией общения. Каждый аспект обладает особым предметом исследования.

Ключевые слова: номинативный знак, слово, фразема, значение, смысл, этноязыковое сознание, перлокуция

CULTURAL PRAGMATIC AURA SIGNS IMPLIED NOMINATIONS

Alefirenko Nikolai F., doctor of philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, Pobeda st. 85, e-mail: n-alefirenko@rambler.ru.

Zhilina Yana S., student, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, Pobeda st. 85, e-mail: yasenka8@mail.ru.

Magomedova Alina V., student, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, Pobeda st. 85, e-mail: magomedova27@yandex.ru.

The article considers pragmatic and ethnocultural connotations of signs of indirect nomination. The main idea of the article is that fictional discourse allows each nominal unit to realize its implicational relations and actualize discursive, cognitive, situational and sound associations in ethnolinguistic mentality. The author's concept is focused on the research of the linguistic connotation of sign in its connection with subject of speech, recipient, with character of their mutual impact and with the situation of communication. Each aspect possesses a particular subject of research.

Keywords: nominal sign, word, phrasem, meaning, context, ethnolinguistic mentality, perlocution

С XIX века проблема языка и культуры становится специальным предметом исследования философов и лингвистов, опирающихся на антропоцентрические принципы

познания и описания мира. Однако укрепление когнитивистских позиций в современных гуманитарных исследованиях открывает неизвестные страницы и в культурологии, ставит новые проблемы, которые нуждаются в комплексном междисциплинарном решении. Говоря о междисциплинарном подходе, мы имеем в виду не только интеграцию таких наук, как философия, психология, логика, когнитология и лингвистика, но и привлечение внутрипредметных взаимосвязей. В языкознании наиболее продуктивными являются взаимосвязи лингвокультурологии, психолингвистики, прагмалингвистики и когнитивистики.

Взаимосвязь лингвокультурологии и когнитивной лингвистики позволяет проникнуть в один из самых сокровенных уголков культуры – языковое сознание. Прагмалингвистика дает возможность высветить этнокультурологические аспекты коммуникации [1], психолингвистика раскрывает универсальные и этнокультурные механизмы порождения и восприятия речи, кодирования и декодирования этнокультурной картины мира, элементы социолингвистического анализа подчинены осмыслению общественных факторов, влияющих на становление и развитие языковой личности и формирование национально-культурного компонента в семантическом пространстве языка.

Постижение семантического пространства языка [2] осуществляется главным образом через исследование его основной единицы – значения. В когнитивной лингвокультурологии оно в конечном итоге подчиняется выявлению и структурированию концептосферы. Решение этой задачи предполагает анализ основной единицы концептосферы – культурного концепта, по ряду параметров отличающегося от понятия. *Понятие* и *культурный концепт* – явления, разумеется, однопорядковые, сравнимые, но не равнозначные. Культурные концепты – лишь наиболее сложные понятия, являющиеся важными элементами соответствующей концептосферы языка и этнокультуры. Для академика Д.С. Лихачёва взаимопроникновение этих феноменов настолько естественно, что он счёл возможным их отождествить: «Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [3]. Такое понимание взаимодействия концептосфер языка и культуры обуславливает определение концепта у Ю.С. Степанова: «Не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, – нет, это "пронизывание" более определённое и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований – концептов. Концепты – как бы сгустки культурной среды в сознании человека», «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [4] и в языковую семантику в виде ее культурного компонента.

Культурный компонент значения языковых знаков, как известно, издавна привлекает внимание исследователей. Пожалуй, впервые Джон Милль предложил отнести его к сфере коннотации слова. Вслед за ним, учитывая культурологическую значимость этого феномена, Роберт Ладо называет коннотацию культурным значением, а Чарлз Фриз – социально-культурным. Современные учёные отдают предпочтение термину, введённому в нашу науку Е. Найдой, выделявшим в значении слова «эмоциональный, коннотативный компонент». Для когнитивной лингвокультурологии модель последнего термина (в усечённом виде – *культурный компонент*) оказалась наиболее приемлемой, поскольку позволяет проникнуть в глубинные механизмы вербализации когнитивных категорий. Как ни парадоксально, но, несмотря на огромный интерес к коннотации со стороны лексикологов, фразеологов, психолингвистов и текстологов, культурная коннотация языковых единиц остается почти сказочной и всё ещё не пойманной «жар-птицей», озаряющей невидимые грани этнокультурной семантики не только слова, но и текста – художественного и научного.

По утверждению психолингвистов, в художественном тексте каждое слово раскрывает богатые возможности своих потенциальных многомерных связей. Эти связи могут иметь характер дискурсивных, когнитивных, понятийных, ситуационных и даже звуковых ассоциаций. В норме в системе языка одни связи, *образные*, как наименее существенные вытесняются, а другие, *смысловые*, закрепляются и становятся доминантными. В художественном тексте, наоборот, смысловые взаимосвязи вытесняются ассоциативно-образными. Поэтому процесс выбора протекает преимущест-

венно в пределах семантических смысловых связей и приобретает селективный, избирательный характер (А.Р. Лурия).

Когнитивно-культурный аспект научного текста обусловлен процессами взаимодействия формирования научного знания с когнитивной функцией языка. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к созданию теории языка науки текстопорождение как когнитивный процесс обработки, упорядочения, хранения и «оязыковления» информации необходимо рассматривать в связи с феноменом терминопорождения, обеспечивающего научному тексту необходимую содержательность при минимуме сбалансированно используемых языковых средств (В.Ф. Новодранова).

Для художественного (прежде всего поэтического) текста, обладающего вертикальной пространственной структурой, наиболее важные моменты обработки информации – это этапы текстопорождения и восприятия образного слова. Культурно-когнитивной особенностью поэтического текста является сложная архитектура его смыслового содержания, что, безусловно, предопределено особым поэтическим мышлением ассоциативно-образного и символического характера (А.А. Потебня). Это, в свою очередь, делает ещё более актуальной проблему когнитивно-культурной интерпретации скрытого смысла, связанной с декодированием поэтически оправданных лексико-синтаксических «аномалий» и выявлением интенционального содержания (замысла и смыслового намерения автора).

Когнитивно-культурный подход, как нам представляется, даёт возможность проникнуть в глубинные свойства семантики языка и текста, поскольку он затрагивает скрытые информационные пласты и научного и поэтического мышления, где происходит комбинаторное упорядочение знаний и формируется соответствующая языковая картина мира (Е.С. Кубрякова), тех знаний, которые лежат в основе языковой и речевой семантики.

Теоретическим субстратом формирующейся методологии более явно признается известная логико-философская доктрина речевых актов Джона Остина, Джона Серля, Зено Вендлера и др. Менее активно используются теория речевой деятельности (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, И.А. Зимней и др.) и теория лингвокультуры (В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Н.Л. Шамне и др.). Между тем культурно-прагматический потенциал идиоматики раскрывается только в единстве двух названных выше теорий. Этому есть несколько объяснений, и главное – в объективной культурно значимой соотносённости двух феноменов – речевого акта и речевой деятельности.

Речевой акт – это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с этнокультурными принципами и правилами речевого поведения (Н.Д. Арутюнова), принятыми в данном культурно-языковом сообществе; речевые акты характеризуются интенциональностью (коммуникативными намерениями), целеустремлённостью и конвенциональностью (условным соглашением) говорящих. *Речевая деятельность* – это вид деятельности, включающей акты говорения, восприятия речи, её понимания и интерпретации. Следовательно, речевые акты и речевая деятельность, направленные на создание, восприятие, понимание и интерпретацию речевых актов, смыслообразующим компонентом которых выступает культурно маркированная единица языка, являются объектом культурно-прагматической теории, а её предметом – лингвокультурологическая сущность языкового знака, его амбивалентная отнесённость к другим элементам высказывания и к участникам культурно-знаковой ситуации в рамках соответствующего ей речевого акта.

Языковой знак в составе речевого акта, оказавшийся в той или иной культурно маркированной коммуникативной ситуации, рассматривается в органическом единстве с сопутствующими прагматическими обстоятельствами общения: замыслом отправителя сообщения, пресуппозитивным фоном, условиями общения, интерпретацией и пониманием сообщаемого. Ср.: – *Ты с ним полтора года работал... должен был изучить человека. – Работал, ну что ж. Никаких особенных грехов не замечал. Так себе, ни рыба ни мясо* (В. Овечкин). В связи с этим предпочтительнее в такого рода исследованиях говорить не о речевой, а о культурно-прагматической ситуации, в которой

реализуется языковой знак и в которой обеспечивается адекватное понимание коммуникантами культурно-прагматического смысла всего высказывания.

Инвариантная культурологическая модель коммуникативно-прагматической ситуации (рис.) представляет собой структуру, в центре которой располагаются коммуниканты: субъект речи (S) и адресат (A), фокусирующие все остальные элементы ситуации: а) предмет культуры; б) ассоциативно-образное представление о нём; в) знак в сочетании с другими речевыми знаками высказывания и г) систему знаков, коррелирующую с системой языкового сознания.

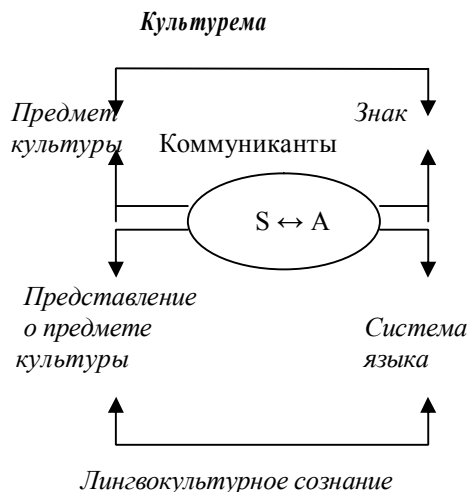

Рис. Инвариантная культурологическая модель коммуникативно-прагматической ситуации

Анализ структуры коммуникативно-прагматической ситуации направлен на выявление культурно маркированной семантики слова (фраземы) с точки зрения различных видов речемыслительной деятельности: а) номинативной (человек – денотат); б) отражательно-интерпретирующей (человек – представление); в) условно-рефлекторной (человек – знак, языковое сознание).

Такое понимание объекта и предмета культурно-прагматической теории предполагает исследование прагматических свойств языковых знаков в нескольких аспектах, связанных (а) с субъектом речи, (б) с адресатом, (в) с характером их взаимного воздействия (особенно в диалогической речи) и (г) с ситуацией общения. Каждый из выделенных аспектов культурно-прагматической лингвистики имеет свой предмет исследования.

Первый аспект культурно-прагматического исследования связан с субъектом речи. Предметом изучения здесь являются следующие дискурсивные явления:

- 1) выражающие явные и скрытые коммуникативные намерения, или, по Д. Остину, иллокутивные силы высказываний в таких разновидностях, как имплицитная культурная информация, мнение, просьба, приказ, совет, обещание, извинение и т.п.;
- 2) раскрывающие культурный характер речевой тактики и тип речевого поведения;
- 3) проецирующие модель построения дискурса в соответствии с коммуникативными намерениями;
- 4) кодирующие важные для лингвокультурологии косвенные смыслы высказывания, намёки, иносказания, обиняки и т.п.;
- 5) содержащие культурно-прагматические пресуппозиции: оценки общего для коммуникантов фонда знаний, их мнений, интересов и психических состояний;
- 6) выражающие модально-оценочное содержание высказывания, его истинность или ложность, неоднозначность, ироничность и т.п.);

7) служащие культурно значимыми смысловыми акцентами в содержательной структуре высказывания.

Во *втором аспекте* в связи с адресатом речи исследуются:

- языковые знаки с точки зрения заложенного в них интерпретационного потенциала: при этом особую ценность приобретает декодирование языкового значения путём компонентного анализа скрытых сем (минимальных смыслов), выявления культурно-прагматических ситуаций и пресуппозиций;
- языковые знаки как носители перлокутивных эффектов, т.е. языковые знаки исследуются здесь с точки зрения их воздействия на адресата с целью изменения его эмоционального состояния, взглядов и оценок;
- знаки-рефлексивы, выражающие косвенные реакции на полученное сообщение, например, слова и выражения, употребляемые с целью уклонения от прямого ответа на вопрос.

Наконец, *третий аспект* – собственно прагматический. В его компетенции – изучение прагматических свойств идиом в связи с ситуацией общения:

- а) выявлять их дейктический смысл, т.е. способность служить пространственными и временными ориентирами в структуре дискурса;
- б) показывать влияние речевой ситуации на выбор и употребление слов (фразем) определённых тематических и семантических групп, на выбор слова из множества других в том или ином парадигматическом блоке – синонимическом, антонимическом или полисемическом.

В рамках ситуации общения осуществляется прагматическое описание перформативных высказываний (ср.-лат. *performo* «действую»). Таковыми, например, являются фразеологизированные структуры высказываний или высказывания, смыслообразующей доминантой которых выступает идиома. Высказывания подобного рода выполняют функцию, адекватную действию или поступку; иногда такие высказывания выполняют магическую (ритуальную) функцию.

Таким образом, жизнь знака в семиотической системе, пишет Е.С. Кубрякова, определяется тремя его «измерениями»: (а) тем, как строится его тело и какой субстанцией оно представлено; (б) тем, что оно значит и обозначает (на что указывает), и, наконец, (в) тем, какое воздействие производит, какой эффект вызывает его употребление [5, с. 285]. Сформулированные выше аспекты и задачи культурно-прагматической теории языка симметричны проблемам общей прагмалингвистики.

Особым культурно-прагматическим потенциалом характеризуются фраземика и паремии, поскольку они фиксируют результаты интеллектуально-эмоциональной деятельности человека, выполняют функции непрямой и косвенно-производной номинации, содержат модально-оценочные характеристики номинируемых объектов. Будучи тесно связанными с материальной и духовной культурой народа, его историей и обычаями, дискурсивные языковые знаки являются своеобразными национально-индивидуальными микромифами, содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [6, с. 204].

Прагматическая ценность идиом, таким образом, заключается в их индивидуальности. «А индивидуальное – как это ни парадоксально – является, – по образному выражению В.М. Мокиенко, – особо прочным цементирующим раствором при взаимодействии народов и их культур, ибо оно и является национальной "валютой" при культурном взаимообмене народов» [7, с. 5]. Из семасиологического предназначения дискурсивных идиом следует, что своеобразие фразеологического значения предопределяется наличием в его составе так называемого коннотативного смысла, который в отличие от лексического значения является не дополнительным содержанием, со-значением слова, а его обязательным интенциональным (ядерным) смысловым элементом этнокультурного характера.

Как этнокультурный стереотип коннотация становится связующим звеном между двумя единицами. Такого рода культурный компонент задает:

- 1) «внутреннюю форму» слова, его образную структуру;

2) стереотипность использования объекта (*коза* – обычно символ глупости, любопытства, подвижности, плодородия и т.п.);

3) традиции литературной обработки лексемы (например, коннотации таинственности, мистичности, вечности в значениях слов *могила, ведьма, луна*);

4) исторические, политические, религиозные контексты лексемы;

5) этимологическую память слова (прилагательное *правый* имеет стереотипную коннотацию ‘хороший, честный, надёжный’: *Иван – его правая рука*).

Коннотация языка вообще и фразеологическая в частности генетически связаны с этнокультурными стереотипами [8, с. 189].

Фразеологическая коннотация содержит различную информацию об этимологических истоках оборота этнического, культурно-исторического и национально-языкового характера. Коннотативный микрокомпонент значения характеризует общающихся с точки зрения их эмоционального состояния, интеллекта, социального положения, коммуникативного намерения и т.п. Такое понимание фразеологической коннотации позволяет считать ее основой прагматического значения (эффекта) дискурсивной идиомы. В структуре прагматического значения дискурсивных идиом целесообразно выделять экспрессивные, эвокативные (апеллятивные), фатические и эстетические компоненты [9, с. 193–230].

Экспрессивный (аффективный) компонент прагматического значения дискурсивных идиом выражает эмоции и качественно-оценочное отношение говорящих к предмету мысли. Так, дискурсивные идиомы *человек с большой буквы, из ряда вон выходящий* выражают восхищение и уважительное отношение к тому, кого эти обороты характеризуют. Экспрессивный компонент таких идиом может видоизменяться в зависимости от коммуникативно-прагматических намерений говорящих и, соответственно, от характера контекста. Вторая дискурсивная идиома, например, может употребляться для выражения возмущения и негодования. Поэтому крайне важно представлять такие идиомы во всех возможных коммуникативно-прагматических ситуациях, под которыми следует понимать комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления коммуникативного акта: *кто – что – где – когда – кому – зачем – как* (Э.С. Азнаурова). Другими его компонентами являются виртуальный (потенциальный, языковой) и актуальный (речевой) коммуникативно-прагматический эффекты, поскольку прагматика дискурсивной идиомы детерминирована в конечном счете его семантикой, синтактикой и стилистикой в единстве с особенностями и условиями речевого общения. Ср.: 1) *Шекспир – из ряда вон выходящее явление в мировой литературе* и 2) *Сколько можно опаздывать на занятия?! Ваше поведение можно назвать, мягко говоря, из ряда вон выходящим* (разг.).

После прагматической интерпретации дискурсивных идиом целесообразно перейти к их ономазиологической характеристике, требующей более высокого уровня овладения методами культурно-прагматического исследования. Суть таких исследований заключается в осмыслении характера денотативной отнесённости фразем, поскольку, по мнению Г.Г. Почепцова, «прагматическая семантика вообще имеет дело с перебором нескольких семантических структур, соответствующих одной денотативной ситуации», «прагматическая семантика – это семантика выбора, семантика альтернатив», с учётом ситуации самого общения [10, с. 35]. Например, подбирая дискурсивные идиомы для выражения возмущения, неодобрения или негодования, идиому *из рук вон плохо* говорящий должен отличать от фразеологизмов *этого ещё не хватало (не доставало) (!), ни на что не похоже (!), ни в какие ворота не лезет (!), чёрт знает что (такое) (!), не укладывается в голове (в сознании)!*

Такие дискурсивные идиомы, представляя рематическую часть высказывания, вводятся в речь, как правило, с помощью различных суперсегментных фонетических средств (интонации, передающей презрение, а также эмфатического ударения, выражающегося в усилении и удлинении отдельных звуков). Кроме того, существуют ещё и паралингвистические средства передачи экспрессивного компонента фразеологического значения – выражение глаз, жесты, мимика, телодвижения. Экс-

прессивный компонент значения дискурсивных идиом реализуется обычно в единстве с эвокативным.

Эвокативный компонент фразеологической семантики связан с воздействием дискурсивной идиомы на слушающего. И действительно, почти все дискурсивно-коммуникативные образования, содержащие в своём составе идиомы, имплицитно или эксплицитно направлены на собеседников с целью побуждения их к той или иной деятельности. При этом косвенное воздействие осуществляется зачастую посредством обращения не к реальным коммуникантам, а к различного рода сверхъестественным силам (типа *бояться как чёрт лаdana* кого, чего) посредством использования идиом магического содержания (заклинаний, эвфемизмов, перифраз типа *замолвить словечко (слово)* за кого, о ком, *вставить с левой (не с той) ноги, Христа ради, рай земной, отдавать богу душу, перемывать косточки (кости)* кому, кого, чьи и т.п.).

Эмоциональное, интеллектуальное и поведенческое воздействие на слушающего реализуется с помощью целого комплекса лингвистических и паралингвистических средств, в частности, с помощью дискурсивных идиом, используемых в диалогической речи. Это чаще всего эвокативные или императивные идиомы типа *палец (палец) в рот не клади* – кому 'кто-л. таков, что не упустит возможности воспользоваться оплошностью, промахом другого'; *зарубить (себе) на носу* – 'запомнить крепко-накрепко, навсегда'. В разных диалогических ситуациях такие идиомы вызывают у общающихся адекватную фразеологическому значению и условиям речевого акта эмоциональную и поведенческую реакцию. Лингвистическими средствами реализации такого воздействия в первом примере служат: а) предикативно-рематическая функция дискурсивной идиомы; б) императивная форма глагольного компонента с отрицанием; в) обязательность дополнения в дательном падеже (кому – обозначение лица, которое не упустит возможности воспользоваться оплошностью другого). Прагматической функцией этой идиомы является оценочная характеристика такого человека с целью предупредить, предостеречь кого-либо, чтобы предупреждаемый сделал соответствующие выводы и руководствовался ими в своём поведении, а также характеристика, оценка самого человека [11, с. 196, 361–362]. В другой коммуникативно-прагматической ситуации эта же дискурсивная идиома употребляется в значении 'кто-либо таков, что может постоять за себя'.

Вторая идиома – *зарубить (себе) на носу* – в одном и том же значении репрезентирует две коммуникативно-прагматические ситуации – ситуацию «предупреждение» и ситуацию «запоминание чего-л. крайне важного и необходимого». Ср.: 1) *Зарубите себе на носу, случится что с вашим сыном, нам даже не придётся предвзглять особые доказательства вашей вины. Они слишком очевидны, так что – берегитесь!* (В. Тендряков. Расплата) и 2) *Я ещё в детстве, как говорится, зарубил себе на носу правило не откладывать на завтра того, что можно сделать сегодня* (Р.И. Яранцев). Указанные коммуникативно-прагматические ситуации выражаются разными лингвистическими средствами. Первая – «предупреждение, предостережение, угроза» – выражается тогда, когда оборот употребляется в роли сказуемого, а глагольный компонент – в форме императива. Вторая – «необходимость запоминания чего-л. крайне важного» – выражается при употреблении идиомы в предикативно-рематической части высказывания; глагольный компонент в таком случае может иметь форму императива или форму прошедшего времени; при идиоме обязательным является прямое дополнение, выраженное, как правило, указательным местоимением *это*.

В связи с коммуникативно-прагматической обусловленностью содержания и формы подобных дискурсивных идиом особое значение приобретает работа по их подбору для выражения соответствующей ситуации. Так, для выражения «угрозы» русский язык предоставляет возможность выбора идиомы из следующего ряда: *придержать язык (язычок), прикусить язык, показать где раки зимуют, костей не собирать, спустить шкуру* с кого, *спустить три шкуры (семь шкур)* с кого, *стереть в порошок* кого, что, *свернуть шею (голову, башку)* кому, *стереть с лица земли* кого, что, *мокрое место останется* от кого (*мокрого места не останется* от кого) и др. Выявляя эвокативные аспекты прагматических значений таких дискурсивных идиом,

важно вызвать у собеседника адекватную реакцию, определённые чувства, ввести его в соответствующую рече-поведенческую тональность.

Фатический компонент прагматического значения фразем служит установлению контакта между участниками речевого акта. Это фразеологизированные речевые формулы приветствия, представления, обращения в начале общения, а также идиомы, направленные на поддержание контакта между коммуникантами: *милости просим (прошу), в добрый час, будьте добры, прошу любить и жаловать* и др. Фатический компонент фразеологического значения репрезентирует психическое состояние и, реже, социальное положение участников дискурсии.

В целом прагматические компоненты образной семантики образуют коннотативное поле языкового знака [12, с. 131]. Создаётся оно синергетикой разных языковых процессов, важнейшими из которых являются семасиологические механизмы экспрессивно-образной интерпретации и интериоризации результатов чувственного познания. К таким языковым процессам относятся метафоризация, словопроизводство, фразеологизация, провербализация, грамматикализация, семантическое взаимодействие слов [13, с. 169]. Своеобразие интериоризации форм чувственного отражения в смысловые элементы языкового значения состоит в трансформировании и модально-оценочном преобразовании факультативных и даже фоновых (пресуппозиционных) признаков исходного значения слова, которые в итоге становятся интенциональными семами в семантической структуре единиц вторичной и косвенно-производной номинации (метафоры, фраземы, провербиумы, некоторые производные слова) [14, с. 4].

В культурно-прагматической коннотации проявляется творческий характер языка, реализуется его эвристический потенциал – лингвокреативный источник постоянного совершенствования и обновления речемыслительных возможностей человека.

Список литературы

1. Bartmiński J. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics / J. Bartmiński ; ed. by J. Zinken. – London : Oakville, 2009. – 256 p.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
3. Лихачёв Д.С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачёв // Об интеллигенции. – Санкт-Петербург, 1997. – 445 с.
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва, 1997. – 838 с.
5. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. – Москва : Гнозис, 2001. – 240 с.
6. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – 6-е изд. – Москва, 1959. – 344 с.
7. Мокиенко В. М. Образы русской речи / В. М. Мокиенко. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – 280 с.
8. Жилина Я. С. Слобожанская фраземика и её этнокультурное своеобразие (на фоне идиоматики современных русского и украинского литературных языков) / Я.С. Жилина // Славянские чтения – 2011. – Старый Оскол : Оскол-Информ, 2011. – С.189–191.
9. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – Москва : Наука, 1975. – 365 с.
10. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.
11. Яранцев Р. И. Русская фразеология : словарь-справочник / Р. И. Яранцев. – Москва : Русский язык, 1997. – 304 с.
12. Магомедова А. В. Коннотативно-смысловое поле бинарного концепта «Свет-Тьма» (на материале рассказов Л. Андреева) / А. В. Магомедова // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее. – Арзамас, 2012. – С. 131–135.
13. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – Москва, 1995. – Т. 2. – 464 с.

14. Алефиренко Н. Ф. Знаки косвенной номинации как проблема когнитивной лингвопоэтики / Н. Ф. Алефиренко // *Slavica nitriensia: časopis pre výskum slovanských filológii*. – Nitra (Словакия). – 2012. – № 1. – С. 4–19.

References

1. Bartminski J. *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics* / ed. by J. Zinken. – London, Oakville, 2009. – 256 p.
2. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika*. – Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2007. – 314 p.
3. Lichachev D. S. *O nazional'nom charaktere russkikh // Ob intelligenzii*. – St. Petersburg, 1997. – 445 p.
4. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury*. – Moscow, 1997. – 838 p.
5. Kubryakova E. S., Shachnarovich A. M., Sacharnyy L. V. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi*. – Moscow, Gnozis, 2001. – 240 p.
6. Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. – 6th ed. – Moscow, 1959. – 344 p.
7. Mokienko V. M. *Obrazy russkoy rechi*. – Leningrad : Leningrad University Publ., 1986. – 280 p.
8. Zhilina Ya.S. *Slobozhanskaya frazemika i eye etnokul'turnoe svoeobrazie (na fone idiomatiki sovremennykh russkogo i ukrainskogo literaturnykh yazykov) // Slavyanskie chteniya – 2011*. – Staryy Oskol, Oskol-Inform, 2011. – pp. 189–191.
9. Jakobson R. *Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv»* / ed. E. Ya. Basin, M.Ya. Polyakov. – Moscow, Nauka, 1975. – 365 p.
10. Pochepov G. G. *Teoriya kommunikazii*. – Kiev, Vakler, 2001. – 656 p.
11. Yaranzev R. I. *Russkaya frazeologiya. Slovar'-spravochnik*. – Moscow : Russki yazik, 1997. – 304 p.
12. Magomedova A. V. *Konnotativno-smyslovoe pole binarnogo konzepta «Svet-T'ma» (na materiale rasskazov L. Andreeva) // Russkoe slovo: proshloe, nastoyashee, budushee*. – Arzamas, 2012. – pp. 131–135.
13. Apresyan Yu. D. *Konnotazii kak chast' pragmatiki slova // Izbrannye trudy*. – Moscow, 1995. – T. 2. – 464 p.
14. Alefirenko N. F. *Znaki kosvennoy nominazii kak problema kognitivnoy lingvopoetiki // Slavica nitriensia: časopis pre výskum slovanských filológii*. – Nitra (Словакия). – 2012. – № 1. – pp. 4–19.